

УДК 81:1; 81:39

Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.*(г. Краснодар)*

СЛОВО «НАРОД» В АФОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Аннотация. В статье исследуется функционирование лексемы «народ» в афористическом корпусе русского языка, описываются вербализуемые в афористике ее основные концептуальные разновидности. Устанавливается, что концепт «народ» в зависимости от идеологического позиционирования субъекта речи меняет имя и коннотативную окраску, а в оценке нравственных качеств русского народа русскими интеллектуалами наблюдается аксиологическая асимметрия с уклоном в сторону минуса, которая может получить два объяснения: русским, как никакому другому народу, свойственна самокритичность; русские авторы афористических изречений о русском народе себя в этот народ не включают.

Ключевые слова: вербализация, коннотативная окраска, аксиологическая асимметрия, народ, афоризм, субъектное позиционирование.

S. Vorkachev, E. Vorkacheva*(Krasnodar)*

THE WORD "PEOPLE" IN APHORISTIC UTTERANCES

Abstract. The article analyses the functioning of the lexeme "people" in the aphoristic corpus of the Russian language. It describes the basic conceptual varieties verbalized in aphoristic utterances. It is stated that the concept "people" changes its name and connotative colouring in accordance with the change of the ideological position of the subject of speech. Besides, the Russian intellectuals' assessments of the moral qualities of the Russian people are tinged with a negative axiological asymmetry which can have two explanations: the Russians as no other people are inclined to self-criticism; Russian authors of aphorisms about the Russian people do not consider themselves to be part of the nation.

Key words: verbalization, connotative colouring, axiological asymmetry, people, aphorism, subject positioning.

В туманном, «отвлеченном и невнятном» [13, с. 352] понятии «народ» по сути «спеклись» в единый конгломерат несколько семантических сущностей, общим для которых является лишь указание на множественность человеческих (или иных) особей.

В русской лексикографии у лексемы «народ» выделяются четыре лексико-семантических варианта, а ее семантическую структуру можно

представить в виде матрешки: в семантическую структуру «народ₀» как совокупности лиц вообще включена семантика «народ₁» как совокупности лиц, выделяемых по какому-либо признаку, а в семантику «народ₁» включена семантика «народ₂» как его части (см. [8, с. 19-21]). В свою очередь в научном дискурсе, где лексема «народ» функционирует в качестве базового протермина, выделяются три основных разновидности понятия «народ»: 1) народ-население; 2) народ-этнос/нация и 3) собственно народ как некая часть двух первых.

Если пословицы, как считается, представляют собой кладезь народной и тем самым анонимной мудрости, то в афоризмах, очевидно, сосредоточена мудрость ученая и персонализированная – плод размышлений «выдающихся личностей, людей острого ума и обширных знаний» [2, с. 4].

«Мысль, исполняющая пируэт» (де Брюйн), «мудрость в портативной форме» (Олджер), «соль литературы» (Морлей) – афоризм представляет собой изречение, отличающееся от всех прочих лаконичностью и выразительностью формы, законченностью и обобщенностью содержания, оригинальностью и даже парадоксальностью смысла, что, естественно, оставляет за границами жанра стандартные дефиниции, хотя этимологически афоризм и восходит к древнегреческому *ἀφορισμός* – «определение» (см.: [17, т. 1, с. 60]).

Афористика как литературный и речевой жанр принадлежит личностному «бытийному» дискурсу, предназначенному для художественного и философского постижения мира (см.: [9, с. 232]). Творцы афоризмов – писатели и философы – представляют собой интеллектуальную элиту своего времени и, размышляя о народе, они себя так или иначе неизбежно позиционируют в качестве таковой, отделяя себя от последнего, и тем самым их представления о собственно народе как о некой части народа-населения или народа-нации/этнуса идеологизируются.

Афоризмы – обобщающие, высоко абстрактные и внеконтекстные (во всяком случае, в сборниках и энциклопедиях) высказывания. Тем не менее, несмотря на законченность представленной в них главной мысли, в большинстве случаев «развести» лексико-семантические варианты присутствующей в них лексемы «народ» и отделить друг от друга концепты «народ-население», «народ-нация/этнос» и «собственно народ» не представляется возможным. Например: «Каждый *народ* имеет то правительство, которого заслуживает» (Ж. де Местр), где «народ» может получить любую из перечисленных интерпретаций. Точно так же, например, в библейском тексте чуть ли не в половине употреблений словарная многозначность лексемы «правда» не снимается кон-

текстом, а смысловая амбивалентность этой лексической единицы с той или иной степенью правдоподобия позволяет её истолкование как истины, так и справедливости (см.: [5, с. 63–64; 6, с. 10]). Естественно, многозначность снимается в том случае, когда в составе высказывания (мини-контексте) присутствуют оба члена оппозиции «народ – не-народ»: «Обещания забывают *правители*, *народ* никогда их не забывает» (Мадзини); «Любая *власть* насилует *народ*, но только демократическая думает, что народу это нравится» (Домиль); «Мы живем в эпоху осмотрительности: теперь уже *вожди* следуют за *народом*» (Дизраэли).

Поскольку в границах микроконтекста, представленного высказыванием-афоризмом, многозначность лексемы «народ» не снимается, в приводимых иллюстрационных примерах, как представляется, вполне допустима условная эвристическая сингуляризация идеализационного толка одного из значений этой лексемы в отвлечении от всех прочих возможных ее значений. Корпус афористических изречений¹, содержащих лексемы «народ» и «нация» и отправляющих к идеологеме «народ» вообще, насчитывает несколько более четырех сотен единиц, а если к ним добавить еще более сотни афоризмов относительно конкретно русского народа, то он составит где-то пять с половиной сотен. Нужно отметить, что список афоризмов о народе остается открытым и постоянно пополняется.

Словарное значение лексемы «народ» как супплетивной формы множественного числа лексемы «человек» – «люди» в афористике реализуется, главным образом, в составе каламбурных, «людических» изречений: «*Народу* у нас много, особенно дурного» (Александров); «Странный все-таки *народ*: первую половину жизни он тратит все деньги на подрыв своего здоровья, а вторую – на его восстановление» (NN); «Что за мелочный *народ*! Его уже обобрали до нитки, а ему все кажется мало!» (NN); «Когда цены кусаются, *народ* звереет» (Давидович).

Несколько раз в афористике встречаются высказывания с лексемой «население», опять же каламбурного толка («Самая большая плотность *населения* на кладбище» – NN; «Только у нас подавляющая часть *населения* постоянно выглядит подавленной» – Мамчич), однако юри-

¹ В качестве источников использовались: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М., 1998; Антология афоризмов / Автор-сост. Н.Л. Векшин. – М., 1999; Афоризмы / Сост. Т.Г. Ничипорович. – Мн., 1998; Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – М., 1999; Гитин В.Г. Корабль дураков, или Афоризмы житейской мудрости: От А до М. – М., 2004; Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей. – М., 2004; Скальковский К. Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых. – М., 2001, а также сайты Рунета wikiquote.org/wiki, anekdot.ru, aphorisms.org.ru, wisdomstore.ru, youphrase.ru, libreria.ru, liveinternet.ru.

дическое значение как «население определенной страны, выступающее как источник и носитель власти в государстве» (<http://www.onlinedics.ru/slovar/pol/n/na-god.html>) у лексемы народ в афористике появляется очень редко («Воля *народа* – самый лучший закон» – Грант; «На свете существуют две истины, которые следует помнить нераздельно. Первая: источник верховной *власти* – *народ*; вторая: он не должен ее осуществлять» – Ривароль) по вполне понятным причинам – юристы создают законы, а не афоризмы.

Таким образом, основную массу афористического корпуса составляют изречения, в которых лексема «народ» передает значения «народа-этноса/нации» и «собственно народа» как специфической части последнего.

Отличительной чертой «народа-этноса/нации» как некой общности людей являются историчность и многофакторность. Общность эта возникла в результате поэтапного эволюционного процесса (племя, народность, народ, нация) и раскрывается через ряд факторов, объединяющих ее членов в единое целое: языка, территории, экономики, культуры, психологии, исторической памяти и пр., дополняемых сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований.

В собранном корпусе афористических высказываний лексемы «народ» и «нация» практически взаимозаменяемы и функционируют как синонимы: «Каждая *нация* рождается, живет и вносит свои силы и работу в общую человеческую массу, изживает свой период и исчезает, оставив свой неизгладимый след! Чем глубже это след, тем более *народ* исполнил свой долг перед человечеством!» (Гончаров); «Самые цивилизованные *нации* так же близки к варварству, как отполированное железо – к ржавчине. *Народы* смахивают на металлы: весь блеск их снаружи» (Ривароль); «Но *мы*, можно сказать, некоторым образом – *народ* исключительный. Мы принадлежим к числу тех *наций*, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок» (Чаадаев).

Признаком, содержащимся в ближайшем контексте и позволяющим сингуляризировать значение «народ-этнос/нация» у полисеманта «народ», выступает, прежде всего, форма множественного числа: *Народы* – это мысли Бога (Гердер); «Все *народы* имеют право на науку» (Литотар); «Если братаются два *народа*, значит, они идут против третьего» (Налковская); «История учит лишь тому, что она никогда ничему не научила *народы*» (Гегель).

Выделению значения «народ-этнос/нация» содействует также присутствие здесь таких кванторных определений, как «весь», «вся-

кий», «каждый», «любой», «целый», «один», указательных и притяжательных местоимений «тот», «этот», «другой», «свой», «наш»: «Можно обманывать часть народа все время и *весь народ* – некоторое время, но невозможно обманывать *весь народ* все время» (Линкольн); «Любой народ, велик ли он числом, мал ли, всегда талантлив, и о величии его мы в конечном счете судим по духовным ценностям, накопленным им на протяжении веков» (Алексеев); «О *каждом народе* нужно судить по его вершинам, а не по низинам» (Бердяев); «Народом от Бога вправе называться *всякий* живущий на земле *народ*» (Тойшибеков); «Атеизм – это тонкий слой льда, по которому один человек может пройти, а *целый народ* рухнет в бездну» (Ф. Бэкон); «Если бы меня попросили назвать ту единственную вещь, которой *этот народ* обязан своим процветанием и развитием, я ответил бы: “Превосходство женщин”» (Торквиль); «Нельзя покорить *тот народ*, который считает смерть победой!» (Мырдин); «Осознанная любовь к *своему народу* не соединима с ненавистью к другим» (Лихачев).

Из числа факторов, обеспечивающих национально-этническое единство, в афористике чаще всего упоминается язык и лингвистические проявления вообще: «В лингвистическом смысле *народ* составляют все люди, говорящие одним *языком*» (Чернышевский); «Величайшее богатство *народа* – его *язык*» (Шолохов); «Невозможно представить себе *народа*, не имеющего одного общего для всех сословий *языка*» (Белинский); «Гений, ум и дух *нации* обнаруживаются в её *половицах*» (Ф. Бэкон); «Мышление *афоризмами* характерно для *народа*» (Горький).

Отмечается здесь культура, главным образом, духовная: («Кто с легкостью теряет свои *традиции, обычаи, культуру* – теряет Духовную силу! Без *Духовной силы народ* превращается в *толпу*, а толпа неизбежно превращается в “попугая” – копирующего чужие устои» – Фетисов; «*Народ* таков – какова его *культура*» – Гарун Агацарский; «Истинная *национальность* состоит не в описании сарафана, но в самом *духе народа*» – Гоголь), география, политическое устройство и религиозная конфессия («*Климат, образ правления, вера* дают *каждому народу* особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» – Пушкин).

Подчеркивается ведущая роль субъективного фактора в формировании национального единства – сознания и воли: «*Народ* не есть механическая бесформенная масса, *народ* есть некий организм, обладающий *характером, дисциплиной сознания* и *дисциплиной воли*, знающий, чего он хочет» (Бердяев); «*Нация* – совокупность людей, разных по характерам, вкусам и взглядам, но связанных между собой прочны-

ми, глубокими и всеобъемлющими *духовными узами*» (Джебран); «*Нация* – это великая *солидарность*, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые придется сделать впереди» (Ренан); «*Нация* есть сообщество людей, которых *объединяют иллюзии об общих предках и общая ненависть к соседям*» (Индж).

Энциклопедическая периферия народа-этноса/нации представлена дополнительными (не дефиниционными) семантическими признаками, в которых отражены, главным образом, гипо-гиперонимическая структура, аксиология и праксеология этого концепта.

Народ – составляющая идеи патриотизма, и поэтому, совершенно естественно, семантически он сопряжен с концептами родины и любви к ней: «Патриот – это человек, служащий родине, а *родина* – это, прежде всего, *народ*» (Чернышевский); «Что такое *родина*? Это – весь *народ*, совершающий на данной площади свое историческое движение» (А.Н. Толстой); «*Всякая страна обязана своим неповторимым обликом народу*» (Бернанос); «*Ненавидя все, что пагубно для народа*, люди тем самым выражают свою любовь к *народу*» (Либкнехт).

Количественно наиболее объемной выступает группа афоризмов, в которых речь идет о величии, значимости, чести и причинах гибели нации: «В трудных обстоятельствах *народ* может спасти *героизм*, но только совокупность маленьких повседневных *добродетелей* определяет его *величие*» (Лебон); «*Величие народа* вовсе не исчисляется его численностью, как величие человека не измеряется его ростом; единственной мерой служит его *умственное развитие и его нравственный уровень*» (Гюго); «*Истинное величие наций* слагается из тех же *качеств*, которые составляют подлинное величие отдельных людей» (Самнер); «*Нации* – это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла» (Солженицын); «Для *нации*, дорожащей своей *честью*, – или даже своими интересами, нераздельными с честью, – очень важно заручиться со стороны соседних наций хорошим мнением во всем, что касается *справедливости, великодушия, умеренности*» (Фокс); «*Народы забывают* иногда о своих *национальных задачах*; но такие народы *гибнут*, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные *народы*» (Столыпин).

Многokrатно упоминаются моральные качества народа: «*Безнравственный народ* не будет солидаризироваться и помогать друг другу, *безнравственность разобщает*» (Тулеев); «В *скромности* – моральная сила и чистота *народа*, в *бахвальстве* – его ничтожность и недостаток ума» (Паустовский); «Горе *нации*, которая провозглашает *грабителя героем* и

мнит великодушным горделивого завоевателя» (Джебран); «На долю *народа* не может выпасть большего *бедствия*, чем *процветание ценой злодеяния*» (Чэннинг); «*Нация*, затевающая *неправедную войну*, есть не что иное, как большая шайка *грабителей*» (Франклин); «Отдельные личности могут *морально* разложиться, *народ* – никогда» (Фучик).

Не менее объемна группа афоризмов, отправляющих к свободе и рабству: «Горе *народу*, если *рабство* не смогло его унижить, такой *народ* создан, чтобы быть рабом» (Чаадаев); «*Каждый народ* имеет право чтить своих героев и самому решать свою судьбу, а *свободный народ*, вместе с тем, признает это право за всеми другими народами» (Апшерони); «*Народ* только там *злоупотреблял свободой*, где он сам брал ее себе, но не там, где ему давали» (Берне); «*Народ* получит свободу только тогда, когда *завоюет ее сам*» (Форш); «*Народ, порабащивший другой народ*, кует свои собственные цепи» (Маркс); «Только *свободная нация* обладает *национальным характером*» (де Сталь).

Столь же многочисленны афоризмы, отправляющие к закону и правосудию: «За *закон народ* должен биться, как за городскую стену» (Гераклит); «Пороки *народа* почти всегда коренятся в его *законодательстве*» (Эчеверрия); «Там, где *законы* в силе, – и *народ* силен» (Публий Сир).

Довольно часто появляются высказывания, связывающие народ и историю: «*История* учит лишь тому, что она никогда ничему не *научила народы*» (Гегель); «На *исторической сцене народ* является *главным действующим лицом*» (Волгогонов); «Счастлив тот *народ*, чьи *анналы отсутствуют* в исторических книгах» (Карлейль).

По несколько раз появляются афоризмы, отправляющие к отсутствию религиозной веры: «*Атеизм* – это тонкий слой льда, по которому один человек может пройти, а *целый народ* рухнет в бездну» (Бэкон); «*Народ*, состоящий из *атеистов*, не смог бы просуществовать» (Флобер).

К эмоциональности народа: «Больше всего *народ* должен бояться величайшей *надежды*, как и величайшего *страха*» (Рихтер); «*Народ* понимает только то, что он *чувствует*» (Ламартин); «*Народ*, подобно *ребенку*, может только *плакать или смеяться*» (Берне).

К идеалу и мечте: «Даже если *народ* идет назад, он стремится все-таки к *идеалу*: он все еще верит в “вперед”» (Ницше); «Об идеалах *нации* можно судить по ее *рекламе*» (Дуглас); «*Отсутствие мечты губит народ*» (Кеннеди); «Правда – у всех одна и та же, но у всякого *народа* есть своя особая *ложь*, которую он именует своими *идеалами*» (Ромен Роллан).

К избранности: «Нет *народа*, вошедшего в историю, который можно было бы считать стадом *животных*, как нет *народа*, заслуживающего

именоваться сонмом *избранных*» (Герцен); «Нет на земле *великих или малых народов*, есть многочисленные и малочисленные» (Чивилихин).

Обману и легковерию: «Можно дурачить часть *народа* все время; можно дурачить *весь народ* некоторое время, но нельзя дурачить все время *весь народ*» (Линкольн); «*Народ*, который *легко верит* словам, обречен на рабство обмана» (Кузнецов).

Испытаниям и бедствиям: «*Народы* нуждаются в *тяжких временах* и в угнетении для физического развития мускулов» (Херберт); «У *великого народа страсти возникают от бедствий*; они приводят его в сильное и длительное движение, которое необходимо для его политической жизни» (Виланд).

По одному разу появляются афоризмы, отправляющие к единству («*Горе нации*, что *разъята на части*, каждая из которых мнит себя нацией» – Джебран); демократии («Если бы существовал *народ*, состоящий из *богов*, то он управлял бы собою демократически. Но правление столь совершенное *не подходит людям*» – Руссо), навязыванию («Опыт истории показывает, что ничто *нельзя навязать насильно* другому *народу*, если он сам не пришел к этому своим опытом» – Фадеев), армии («*Народ*, не желающий кормить свою *армию*, вскоре будет вынужден кормить чужую» (Наполеон Бонапарт), революции («Кто радуется *революции*, тот радуется беде *народа*» – Фаткудинов), таланту («*Народ любой по-своему талантлив*, а каждый человек неповторим» – Александров), способу добывания средств к существованию («*Нации*, так же, как индивиды, могут жить лишь двояко: либо *воруя*, либо *производя*» – Сен-Симон), войне («*Война для народов* – это *слезы и кровь*, это вдовы и беспризорные, это раскиданное гнездо, погибшая молодость и оскорбленная старость» – Эренбург), реформам («Не *тот народ* имеет будущность, который умеет храбро умирать в битвах, на виселице и в каторге, а тот, который умеет переродиться и вынести *реформу*» – Кавелин), цивилизации и варварству («Самые образованные *народы* бывают так же близки к *варварству*, как наилучшее отполированное железо близко к ржавчине» – Ривароль), ответственности («*Народ* состоит из людей, он так же *ответственен*, как и отдельный человек, недаром Господь карал за общий грех целые *народы*» – Нагибин), цели своего существования («*Цель жизни народов* – не благо и благополучие, а *творчество ценностей*, героическое и трагическое переживание своей исторической судьбы» – Бердяев).

И, наконец, целый ряд афористических высказываний о нации/этнотипе отправляет к самым разнообразным его свойствам: «*Человек* уходит, а *народ обновляется непрерывно*» (Виньи); «В *характере*

народа непоследовательность – невозможна» (Бокль); «*Все народы имеют право на науку*» (Лиотар); «*Гражданин нации, кто бы он ни был, есть не что иное, как ее единица, солдат в рядах – и один за целую развитую нацию отвечать и решать не может!*» (Гончаров); «*Любой великий подвиг одного народа совершается для всех народов*» (Цвейг); «*Можно помешать народам учиться, но заставить их разучиться нельзя*» (Берне); «*Народ, который поет и пляшет, зла не думает*» (Екатерина II); «*Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие*» (Маркс); «*Не моря разделяют народы, а невежество, не различие языка, а враждебные отношения*» (Рескин); «*Никогда не отвергает государственный человек народного вопля, ибо глас народа есть глас божий*» (Тынянов); «*Ничто так не опасно для любой страны, как равнодушие народа*» (Распутин); «*О каждом народе нужно судить по его вершинам, а не по низинам*» (Бердяев); «*Одна пятая часть народа – против чего бы то ни было когда бы то ни было*» (Р. Кеннеди); «*Я счастлив, что принадлежу к нации, слишком маленькой, чтобы совершать большие глупости*» (Лоренц).

«Собственно народ» – это то, что остается в «сухом остатке» от народа-нации/этнуса после вычета из него всех элит: политической (властной), экономической, интеллектуальной, «творческой» и пр. Диагностическим признаком сингуляризации этого значения у лексики «народ», естественно, служит, прежде всего, наличие или выводимость в афористическом высказывании любого противочлена «собственно народа» – власти, правительства, государства, правителей, политиков, всяческих избранников и избранных и прочих представителей элит: «*Власть сделала так, чтобы народ у нее просил. А нужно, чтобы народ спрашивал с власти*» (Александров); «*Бывают времена, когда правительство теряет доверие народа, но я не знаю времени, когда оно могло бы доверять ему*» (Ривароль); «*Государь не волен выбирать себе народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать и подвергать опале*» (Макиавелли); «*Обещания забывают правители, народ никогда их не забывает*» (Мадзини); «*Примета: если народ не имеет своего голоса, значит, его вдоволь имеют его избранники*» (Сухоруков); «*Мы живем в эпоху осмотрительности: теперь уже вожди следуют за народом*» (Дизраэли); «*Крайняя бедность народа почти всегда является преступлением его вождей*» (Буаст); «*Радует, что народ наш идет с государством рука об руку. Огорчает только, что их связывают наручники*» (Янковский); «*Расстрелянный народ за казненного царя не отвечает*» (Давидович); «*Политик всегда готов отражать мнения народа... как атаку против своих собственных*» (Сухоруков); «*Электорат*

– это часть *народа*, обманутая *политиками*» (Янковский); «*Духовенство* и сознательно и преимущественно бессознательно старается для своей выгоды держать *народ* в диком суеверии» (Л. Толстой); «Народ всегда обезьянничает и подражает *богатым*: он ходит в театр не столько для того, чтобы смеяться над их безумиями, сколько для того, чтобы видеть их, и, подражая им, стать еще безумнее их» (Руссо); «*Народ* может простить *писателям* многое, но не может простить молчания во времена, когда решается его судьба» (Танк); «Ничто так не сближает *мыслителей* с *народом*, как допускаемые ими ошибки» (Сухоруков).

Создатели афористических высказываний, принадлежа к интеллектуальной и творческой элите, от «собственно народа» себя сознательно или неосознанно отделяют и судят о нем «со стороны». Тем не менее, не будучи сами «народом», они выступают как его «друзья» или «враги» – симпатизируют и сочувствуют ему или же презирают и опасаются его.

Идеологическое, «оценочное позиционирование» (см.: [10, с. 22–35]) авторов афоризмов проявляется в виде своего рода «двойного аршина», когда одно и то же свойство народа получает прямо противоположную оценку, как в пародии Марка Розовского на школьное сочинение о Бабе-Яге: «Положительные черты Быбы-Яги: а) смелость; б) связь с народом; в) вера в будущее. Отрицательные: а) трусость; б) эгоизм; в) пессимизм; г) костяная нога». То бишь: «Ваши недостатки? – Неразговорчива. – Ваши достоинства? – Неболтлива».

Нужно заметить, что в общем и целом отношение к «собственно народу» меняется в зависимости от политической формы правления – монархической или республиканской: если правители-«Божьи помазанники» нуждаются в подданных лишь как в податном сословии («*Народ*, с точки зрения *тупой власти*, – всего лишь полезное ей ископаемое» – Александров), то избираемая власть уже объявляет народ источником своей легитимизации, достаточно проследить эволюцию лексемы *peuple*, например, во французском языке, где вплоть до конца XIX в. в ней преобладали отрицательные коннотации (см.: [1, с. 225]).

С одной стороны, в афористике «собственно народ» всячески восхваляется и сакрализуется, в нем усматриваются политическая мудрость и воля, творческая гениальность, моральная целостность: «*Массы* обладают политической *мудростью*, потому что жизнь *народа* и есть жизнь государства» (Вудберри); «*Народ* – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый *источник ценностей духовных*, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и

величайшую из них – историю всемирной культуры» (Горький); «*Народ* не есть механическая бесформенная масса, *народ* есть некий организм, обладающий *характером, дисциплиной сознания и дисциплиной воли*, знающий, чего он хочет» (Бердяев); «Нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания *знати*, но можно – требования *народа*, так как у *народа* более *честная цель*, чем у *знати*: *знать* желает угнетать *народ*, а *народ* не желает быть угнетенным» (Макиавелли); «*Отдельные личности* могут морально разложиться, *народ* – никогда» (Фучик).

«Собственно *народ*» признается опорой нации, истоком всему, главным действующим лицом истории, неиссякаемым источником энергии и сердцем человеческого рода: «Опорой *нации* и ее рычагом является *простой народ*. Как бы ни была богата нация замечательными людьми, тем не менее движущей силой ее остается *простой народ* – именно он и есть стан, ось и рычаг этой машины» (Налбандян); «*Народ* есть *неиссякаемый источник энергии*, единственно способный претворить все возможное – в необходимое, все мечты – в действительность» (Горький); «На исторической сцене *народ* является *главным действующим лицом*» (Волкогонов); «*Народ* – сердце *страны*; стоит только затронуть его, чтобы обнаружить сокровища *бескорыстия, безропотности, мужества*» (Ламартин); «*Народ* – средоточие мира, *сердце человеческого рода*» (Лакордер).

Народ бессмертен, его благо и воля – высший закон, голос его священен, сам он непобедим: «Благо *народа* – высший закон» (Цицерон); «Воля *народа* – самый лучший закон» (Грант); «Глас *народа* священен» (Сенека Старший); «Нельзя безнаказанно управлять государством без *народа* и против воли *народа*» (Торез); «Ошибаются те, кто думает, будто революционный *народ* легко победить: напротив, именно он и *способен одерживать победы*» (Монтескье); «*Правители* приходят и уходят, *народ* остается, только *народ бессмертен*» (Гейне).

С другой стороны, этому же самому народу приписываются глупость, легковерие, непостоянство, инфантильность, моральная ущербность, ничтожность: «Когда *народ глуп*, им легко управлять» (Шан Ян); «Мало ли что *глупый народ* толкует! Так и надо всему верить?» (Загоскин); «Стоит ли считаться с расположением *безумного народа*, действия которого предшествуют его решениям» (Виланд); «*Народ* всегда будет *народом: легковерным, своенравным, слепым и врагом своей настоящей пользы*» (Фенелон); «*Народ* никому не верит, вот только если тем, кто уж очень *обманывает*» (Давидович); «*Народ* можно так *оболванить*, что он дьявола спутает с Богом» (Александров); «Кто хоть немного знаком с людьми, тот знает, что такое *народ* и как быстро кидается он

– в зависимости от обстоятельств – из одной крайности в другую; как *легко верит* он самым невозможным обещаниям тех, кто в минуту большого и общего несчастья становится его руководителем; и как быстро способен он от самых пламенных надежд перейти к величайшему отчаянию и нетерпению, когда те, кого он считал своими ангелами-хранителями, не могут чудесными и волшебными силами немедленно помочь ему» (Виланд); «Что касается *народа*, то он, не имея постоянного занятия, *не обладает постоянными добрыми чувствами*, он распускается, становится *безнравственным*, способным на любое другое дело» (Мэн-Цзы); «*Народ* – парень дюжий, но *злокозненный*» (Гоббс); «*Народ*, как дети, требует *занимательности*» (Пушкин); «*Народ* не стареет и не умнеет; народ остается всегда *ребенком*» (Гейне); «*Народ*, подобно *ребенку*, может только *плакать или смеяться*» (Берне); «*Народ* – это *длинный ряд нулей*, которые охотно приписывает себе каждый, кто считает себя числом; отбрасывая их, как только дело доходит до деления при расчете» (Грильпарцер).

Он не способен к самостоятельному мышлению, не может жить без лжи, непригляден, опасен, лишен духовных потребностей: «*Народ* не «говорит» – *народ повторяет*» (Брюн); «*Народные массы* подчинены известным силам, стоящим вверху общества. Они *не думают сами*; среди них есть известное число мыслителей, которые думают за них, сообщают им импульс к коллективному разуму *народа* и двигают его вперед» (Чаадаев); «*Народу* нужны не отвлеченные *идеи*, а *прописные истины*» (Ривароль); «Умный говорит: “это ложь, но так как *народ жить без этой лжи не может*, так как она исторически освящена, то искоренять сразу ее опасно; пусть она существует пока, лишь с некоторыми поправками”» (Чехов); «*Народу* нужны не утопии, а *демагогия*» (Давидович); «*Народ* не принадлежит к тем возлюбленным, которые выигрывают в красоте, когда их видят в *неглиже*» (Этвес); «*Народ* подобен металлу: у него блестит только *поверхность*» (Ницше); «Кто любит *народ*, должен сводить его в *баню*» (Гейне); «*Народ* есть *острое железо*, которым играть опасно, а революция – отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства» (Карамзин); «*Народ* – это государь, который *желает только есть*: его величество спокоен, когда переваривает пищу» (Ривароль).

Он любит, чтобы его жалели и им управляли, ценит безделушки, жесток и деспотичен: «*Народ*, знаешь, любит, чтобы его и *пожалели и подтолкнули*, когда надо, легонько» (Овечкин); «*Народ*, как и *женщина*, любит тех, кто дарит безделушки, красивые идеи, и удовлетворяет обещаниями в любви» (Геворгян); «Нельзя полагать, что *народ* свят и праведен только потому, что он – мученик, даже в первые века христи-

анства было много великомучеников по глупости. И не надо закрывать глаза на то, что теперь, когда “народ” завоевал право физического насилия над человеком, — он стал *мучителем* не менее зверским и жестоким, чем его бывшие мучители» (Горький); «*Самодержавие народа* — самое страшное самодержавие, ибо воля одного или немногих не может так далеко простирасть свои притязания, как воля всех» (Бердяев).

Короче: «При деспотизме *народ* есть ползающий *червь*, который позволяет давить себя; при республике — это *медведь*, пожирающий своих вожаков» (Пифагор).

Как уже установлено, имя лингвокультурного концепта в достаточной степени вариативно: оно меняется, прежде всего, в зависимости от типа дискурса, в котором он вербализуется, (см., например: [3]), а также от оценочной установки субъекта речи (см.: [7, с. 173-174]).

Не составляет здесь исключения и такая разновидность концепта, как лингвоидеологема «народ», где аксиологическая вариативность проявляется в перемене имени в зависимости от идеологического позиционирования субъекта речи, когда просто «народ» — в современном языке носитель положительных коннотаций — превращается в «чернь», «плебс», «толпу», «стадо» и «быдло», приобретая, тем самым, коннотации сугубо отрицательные: «Будь осторожен с *чернью*, когда она тебя почитает, ибо вначале она тебя покрывает венками, а потом, позже, забрасывает грязью» (Индийское изречение); «Живая власть для *черни* ненавистна та, что величает свой *народ* лишь *чернью*» (Сухоруков); «Но такова именно тенденция нигилизма: никто и не думает о том, чтобы воспитать *массу* до настоящей культуры; это требует усилий и связано с неудобствами, а возможно, и с рядом отсутствующих предпосылок. Напротив, само строение общества должно быть выровнено до уровня *черни*. И да воцарится всеобщее равенство: всему надлежит быть одинаково пошлым» (Шпенглер); «Вещь не постыдная становится постыдной, если ее прославляет *толпа*» (Цицерон); «*Народ* — *толпа*, *народ* не развит политически, его мнения детски неустойчивы и изменчивы» (Короленко); «Тот, кто желает вести *народ* за собой, вынужден следовать за *толпой*» (Уайльд); «*Быдло* — это не *народ*, а состояние *народа*, лишенного духовных лидеров» (Ермолова).

Онтологически, народа-этноса/нации вообще не существует — это абстракция: существует лишь всегда конкретное этническое или национальное сообщество, отличное от всех других конкретных этнических и национальных сообществ. Несомненно, это распространяется также и на собственно народ, который также не существует вообще, а только лишь как часть конкретного народа-этноса/нации. И, как представля-

ется, очень интересно проследить в афористике представления о своем народе и своем собственно народе как неэлитарной части последнего.

Любой народ – это в каком-то смысле коллективная личность, которая, как и любая личность, обладает собственным характером – национальным характером, а характер, как установлено, может проводиться с использованием двух моделей. Модели базовой, «усредненной» личности, в которой соединяются наиболее частотные среднестатистические признаки, и модели модальной, наиболее типичной личности, выделяемой на фоне других типов личности (см.: [12, с. 113; 15, с. 60-61]).

Этно-национальная ипостась народа, как правило, сингуляризируется этнонимом либо притяжательным местоимением (русский народ, наш народ и пр.), и поэтому «народ-этнос/нация» свободно синонимизируется с соответствующим этнонимом в единственном (синекдоха) или во множественном числе: «русские (люди)», «русский (человек)» или же в определенной речевой ситуации передается сочетанием «этот/такой народ». Нужно заметить, что, в отличие от словосочетания «эта страна» (см.: [4, с. 175-182]), «этот народ» отрицательные коннотации, как правило, содержит в ослабленной форме – ему здесь перепадает рикошетом, «по касательной»: «Воровать у своей страны и своего народа можно только считая “эту страну” и “этот народ” не своими, а таким временным сборищем ничем не связанных между собой людей на плохо охраняемой территории» (www.apn.ru/publications/print26752.htm).

В оценках национального (этнического) характера проявляются «эндостереотипы» (авгостереотипы), отправляющие к «образу-МЫ», и «экзостереотипы», отражающие представления о нас сторонних наблюдателей.

Как свидетельствуют наблюдения психологов, самый отъявленный негодяй и закоренелый преступник считает себя хорошим (по меньшей мере, неплохим) человеком, в груди у которого «бьется усталое, но доброе сердце» [11, с. 42]. А что же происходит с коллективной личностью русского народа, дающего себе оценку в афористике устами своих лучших представителей – интеллектуальной, творческой элиты? Как распределяются плюсы и минусы в оценке русского национального характера?

Из 130 выделенных изречений афористического толка где-то полтора десятка не содержат никакой оценки, аксиологически нейтральны: «Русский человек плохо умеет представлять себе хорошее, светлое» (Горький); «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» (Чехов); «Русский человек больше любит быть обиженным, чем обидчиком. В натуре это русского человека!» (Зошенко); «Больше, чем кто-либо из

вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества *моего народа*; но я не научился любить свою родину с закрытыми глазами» (Чаадаев); «Вообще *несчастье жизни семейственной* есть отличительная черта во нравах *русского народа*» (Пушкин); «Говорят – *русские тяжелы на подъем. Неправда*» (А. Н. Толстой); «Закончу это историческое введение словами св. Александра Невского, которые можно считать характерными для России и русского народа: “Не в силе Бог, а в правде”. Трагедия *русского народа* в том, что *русская власть* не была верна этим словам» (Бердяев); «*Медленно запрягать, но быстро ездить* – в характере этого (*русского*) *народа*» (Чехов); «*Мы* продаем за рубеж нефть и газ, но в понятие «*мы*» почему-то не входит *народ России*» (Александров); «Песни, сказки, былина – все простое – будут читать, пока будет *русский народ*» (Л. Толстой); «*Российская власть* должна держать свой *народ* в состоянии постоянного изумления» (Салтыков-Щедрин); «*Русский* – или вообще просто – *человек* в минуту опасности любит показывать, что чувствует, или действительно чувствует больше страха потерять порученные ему или собственные вещи, чем жизнь» (Л. Толстой); «*Народ наш* как трезв умом, открыт и чист душой, так и внешне привлекателен. И он никогда внутренне не смирится ни с Западным своеволием, ни с собственными вредными привычками» (NN); «*Нашему народу* нечего терять, кроме *правительства*» (Крутиер).

Еще десяток имеют амбивалентный характер: указывают одновременно на положительные и отрицательные черты русского национального характера: «*Амбивалентность*, мне кажется – главная характеристика *нашего народа*. Нет в России палача, который бы не боялся стать однажды жертвой, нет такой жертвы, пусть самой несчастной, которая не призналась бы (хотя бы себе) в моральной способности стать палачом» (Бродский); «*Русский народ* – самый удивительный и *никогда никому не известно, что он может сделать*» (Горький); «В *русских* удивляет сплав *расслабленной доброты с крайней жестокостью*, причем переход от одного к другому молниеносен» (Нагибин); «Да-а, *русский народ* – великий *юродивец*. В смраде, в язвах, в скверне дел валяясь, возвещает миру *чистую святую правду!*» (Тренев); «Два противоположных, но дополняющих друг друга свойства *русской души*: склонность к *анархии* и привычка к *подчинению*» (Фишер); «*Народ! Великий, могучий, но еще темный, невежественный*, перед которым ... всякий русский интеллигент испытывает чувство вины» (Рыбаков); «Ну что за проклятие такое висит над *народом*: если *духовность*, то в *ущерб здравому смыслу*, если *свобода*, то с *погромом и поджогом*, если *вера*, то с *озлобленностью* язвенника-кастрата, если *празднество*, то с *похмельем* на неделю» (Лукьяненко);

«Ну, как сегодня пройти мимо Гоголя, этого мыслителя-провидца, если у него чуть не каждая сцена – это Россия сегодня. Что ни чиновник, то Кошкарёв. Ну, скажите мне, у кого из нынешних писателей можно найти столь глубокое и точное описание характера *русского человека*, его *доброты и подлости, его таланта и тупости, его пьяной удали и беспросветной лени!*» (Яковлев); «*Русский народ – народ государственный, он покорно согласен быть материалом для создания мирового государства, и он же склонен к бунту, к вольнице, к анархии*» (Бердяев).

К этим афоризмам, очевидно, можно также добавить и рассуждения о максимализме и «широте души» русского человека, поскольку эти качества оцениваются отнюдь неоднозначно: «Одна из глубочайших особенностей *русского духа* заключается в том, что нас очень трудно сдвинуть, но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, *в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности*» (Мережковский); «Между “есть бог” и “нет бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. *Русский же человек* знает какую-нибудь из этих *двух крайностей*, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало» (Чехов); «*Русский дух не знает середины: либо все, либо ничего – вот его девиз*» (Франклин).

В число положительных психологических свойств русского человека попадают афоризмы (числом 27), в которых упоминаются моральная сила, доброта, язык, патриотизм, религиозность, жизнестойкость, многосторонность, чувство юмора, находчивость, свободолюбие, неприхотливость и терпение, хотя в отношении положительности двух последних качеств можно и поспорить: «*Велика моральная сила русского народа*» (Л. Толстой); «В типической *русской душе* есть много *простоты, прямоты и бесхитренности*, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест» (Бердяев); «*Гордость русского человека – скромность*» (А.Н. Толстой); «В *русском народе* поистине есть *свобода духа*, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства» (Бердяев); «*Доброта русского народа* во всех слоях его высказывается, между прочим, в *отсутствии злопамятности*» (Лосский); «*Русский человек не знает чувства мести и не умеет ненавидеть*. Это влияние иное» (Зошенко); «*Ничего!* Да, это великое русское слово, в нем неколебимость России, в нем *могучая сила русского народа*, испытавшего и вынесшего больше, чем всякий другой народ. Посмотрите историю, начиная с татарского ига, припомните, что вынесла Россия, что *вытерпел народ русский*, – и чем больше всего испытаний, тем более крепла и

развивалась страна. Только могучему организму – все *нипочем* (Герцен); «*Чудо России* всего лишь в ее *человеке*, в *простых*, *рабочих*, *«черных» людях*» (Проскурин); «*Верь в свой народ*, создавший могучий *русский язык*, верь в его творческие силы» (Горький); «*Выражается сильно русский народ!* И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и в потомство, утешит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» (Тоголь); «*Народ наш* по части *языкового творчества* – очень *талантливый народ*, но мы плохо с этим считаемся» (Горький); «*Тот народ*, который создал такой (*русский*) язык, – поистине *великий и счастливый народ*» (Паустовский); «*Для нашего народа священна вся русская земля*, каждый город и каждая деревня в ней» (Тренин); «*Дорога человеку русскому* своя изба, мир да покой. Но *жизнь и честь отечества* ему всего дороже. За него он добро свое, себя отдаст» (Тренин); «*Русский народ* всегда *защищал свою Родину*. С дубиной, с рогатиной, с мечом, с шашкой, с винтовкой – всегда» (Чаковский); «*Я душевно люблю русский народ* и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его *массе*» (Белинский); «*Мы, русские*, – наследники целого мира. Мы возьмем как свое все, что составляет исключительную сторону жизни каждого европейского народа, и возьмем ее не как исключительную сторону, а как элемент для пополнения нашей жизни, исключительная сторона которой должна быть – *многосторонность*» (Белинский); «*Народ-богоскатель* жадно ищет правду Божию» (Тренин); «*Русские* уже благодаря размерам своей страны *свободны от узкосердечия языческого национализма*, они космополиты или, по крайней мере, на одну шестую космополиты, поскольку Россия занимает почти шестую часть всего населенного мира» (Гейне); «*Русский народ* исполняет свою *великую и национальную и человеческую задачу*, в ней ровно и дружно работают все силы *великого народа*, от царя до пахаря и солдата!» (Гончаров); «*Соединение приобретенной находчивости с врожденной неприхотливостью* делает наш народ практически неуязвимым в любой ситуации» (Задорнов); «*Что бы то ни было* – нет и не может быть такой силы, которая сломала бы мощь *нашего великого, свободного народа*» (Гайдар); «*Широкая натура* – это не определение *русского человека*. Он – *неисчерпаемый и бездонный, человек невероятных возможностей*» (Л. Толстой); «*Юмор* – украшение *нации*... Пока мы способны *шутить*, мы остаемся *великим народом!*» (Довлатов); «*Я* предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей, пристыдят самые просвещенные *народы* успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы» (Фридрих Великий); «*Жизнь самого большого и сильного народа*, каков и *русский народ*, совершается так глубоко-самобытно и неотвратимо, что

сдвинуть ее с рокового пути даже на пядь не способны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилье немцев и пр., но даже крупные исторические события..., исключая разве величайшие, вроде древних завоеваний» (Гершензон).

Что же касается оценки отрицательной, то она содержится уже в 70 высказываниях-афоризмах, в которых перечисляется целый букет весьма неприглядных свойств родного народа – вот их далеко не полный список: лень, пьянство, деспотизм (властолюбие), холопство, беспечность, легковерие, лживость, анархичность, неорганизованность, неумение жить, невежество, глупость, отсутствие чувства собственного достоинства, продажность, жадность, стремление обмануть ближнего, воровитость, пошлость, наглость, хвастливость, самомнение, агрессивность, бесчестие, завистливость и пр. А главное, – если положительное мнение о качествах русского народа в русских же сборниках афоризмов высказывают и иностранцы (Фридрих Великий, например), то авторами изречений с отрицательной оценкой выступают исключительно россияне.

Русский человек ленив, неорганизован, тяжел на подъем, консервативен: «А нищету, лень и разгильдяйство мы любили и любим объяснять «таинственными», до сих пор «неразгаданными» особенностями русского характера, присущими исключительно возвышенной *русской душе*» (Яковлев); «Для того чтобы заставить *русского человека* сделать что-нибудь порядочное, надо *сперва разбить ему рожу в кровь*» (Елагин); «Мы от природы слишком *беспечны, ленивы, равнодушны, склонны ко сну*» (Погодин); «*Народ наш, равно как и правительство, совершенно олицетворены в Иване-царевиче наших сказок. Иванушка лежит на печи да спит, пока братцы хлопочут*» (Погодин); «*Вся Россия – страна каких-то жадных и ленивых людей*» (Чехов); «*Неразговорчивость, леность, пирование и расточительность* суть наши уроченные приметы или четыре первозданных свойства, с которыми *мы, кажется, родились*» (Крыжанич); «*Все новое и полезное народ ненавидит и презирает*» (Чехов).

У него рабская психология – раз дорвавшись до власти, он становится деспотом, не дорвавшись – остается холопом: «Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково. Это – *олицетворение произвола*» (Чаадаев); «*Деспотизм и подобострастие* в духе *русского человека* нашего времени, он пропитан им до глубочайших фибров своего организма» (Погодин); «*И я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, – недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего*

своего» (Горький); «Как *правительству* не забрать в руки весь этот *холопствующий, раболепствующий народ*, когда он сам протягивает шеи и, так сказать, напрашивается на новые лишения и стеснения, которые сам изобретает наперед и лезет с ними на глаза разным властям, как будто с каким-то товаром» (Берг); «*Привычки рабства* слишком глубоко в нас внедрились, не скоро мы от них отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин... Чистые *холопы!* И *гордость холопская и холопское унижение*» (Тургенев);

Русский человек не умеет жить и работать, пьет-гуляет: «Возник далее особый вид политического куража: *лень и пьянь да еще бессмысленная удаль* – это, мол, и есть то самое, что создает истинную Россию, ее особую статью, ее очарование, ее поэтическую ширь» (Яковлев); «Ах, эта вечная *русская* потребность *праздника!* Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, – как тянет нас к непрестанному *хмелю*, к запою, как *скучны нам будни и планомерный труд!*» (Бунин); «Такова *русская натура*, мы всегда жалуемся на кого-то со стороны, чтобы оправдать нашу *глупость, лень, наше неумение жить и работать*» (Горький); «*Русский народ* – самый *аполитический* народ, никогда не *умевший устраивать свою землю*» (Бердяев).

Он анархичен по натуре, не признает закона: «Для массы *русского народа закон совсем не существует*» (Л. Толстой); «*Русский народ* вообще *порядка не любит; закон и подчиненность претят его натуре*» (Вяземский); «*Русский народ* как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько *свободы от государства*, свободы от забот в земном устройстве» (Бердяев).

Русский человек лжив и продажен, он всегда норовит обмануть своего ближнего, жесток, воровит: «*Русский человек* как ни *склонен к лукавству*, но любит, чтобы с ним поступали справедливо. Странное противоречие: *сами обмануть готовы, а к себе требуют справедливости*» (Дмитриев); «*Русские люди* – самые *изолгавшиеся люди* в целом свете; а ничего так не уважают, как правду, ничему так не сочувствуют, как именно ей» (Тургенев); «Слово наше всегда хорошо – дело наше почти всегда скверно» (Шелгунов); «*Русская жизнь* извечно была замешана на *беспощадной жестокости и приторной лжи в отношении властей*» (Нагибин); «*Наш народ* уже столько вынес, а все *выносит и выносит*» (Рас); «*Наш народ* не продается. Но легко *покупается*» (Давидович); «Кроме некультурности в европейском смысле, подтверждающей наше азиатство, огромнейшую роль в русской жизни играет *лукавство*, тоже чисто восточная черта» (Скальковский); «Куда ни поверни: и *лень, и подлость, и желание надуть друг друга*. Это последнее в особенности» (Берг); «За

редчайшим исключением *русский* от самого высокопоставленного до самого простолоудина *не верит ничему*, что ему говорят, и *не говорит ничего, чему можно было бы поверить*» (Скальковский); «*Взятка – это наша Charta Magna, единственный оплот против самодержавия*» (Бобринский); «*Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов, отцов и благодетелей-взяточников*» (Аксаков); «*Русский человек может бесконечно много терпеть и выносить*, он прошел школу смирения. Но он легко поддается соблазнам и не выдерживает соблазна легкой наживы» (Бердяев).

У него завышенная самооценка и полное отсутствие понятия о чести и собственном достоинстве, ненавидя иностранцев, он низкопоклонничает перед ними: «*Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение самое наглое*» (Чехов); «*Любовь к России, к русским людям, к русскому народу* сплошь и рядом представляет собою нечто вроде крышки от Пандорина ящика, которую стоит только приподнять, чтоб из ящика хлынула *пошлость, наглость, лицемерие, беспардонное самохвальство*» (Михайловский); «*Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя*» (Булгаков); «*Самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки азиатские*» (Чехов); «*Иностранцам в безмерной наивности кажется, что русские гостеприимны и общительны, а это смесь старинного, лишенного какого-либо чувства, атавистического хлебосольства и звериной хитрости. Русские низкопоклонничают перед иностранцами и ненавидят их*» (Нагибин).

Русский человек туп и глуп, крепок задним умом, не поддается обучению, он недоброжелателен и насмешлив: «*У русского человека и ум набекрень*» (Тургенев); «*У нас промахи и ошибки не исправляются и впоследствии*» (Пирогов); «*У нас что у других народов* обратилось в привычку, в инстинкт, то нам *приходится вбивать в головы ударами молотка*» (Чаадаев); «*Русский человек любит посмеяться над ближним, и смеется безжалостно*» (А.Н. Островский); «*Русский человек задним умом крепок*» (Достоевский); «*Недоброжелательство – основная чета русских нравов: в народе оно выражается насмешливостью, а в высшем кругу – невниманием и холодностью*» (Пушкин); «*Нам, русским, не надобен хлеб: мы друга друга едим и от того сыты бываем*» (Волынский).

Даже его пресловутая доброта, – и та нехороша: «*Русская доброта часто бывает русской бесхарактерностью, слабоволием, пассивностью, боязнью страдания*» (Бердяев).

А вот и выводы общего характера – мораль, так сказать: «Русский человек за тысячу лет не успел надеть штаны и до сих пор еще ходит в подштанниках» (Сыромятников); «В нашем прошлом – грустный или не грустный, но действительный факт – мы представляем из себя *народ невысокого достоинства*» (Голубинский); «Есть что-то *сильно дрянное в народе*, что мешает нам блаженствовать» (Берг); «Я прихожу к убеждению, что *мы преподленькие люди*, едва ли способные на какой-либо серьезный, обдуманый, требующий терпения и самопожертвования труд» (Никитин); «Удивительно целый *народ* весь во внешней *беспорядочности, расхристанности, многоликости*. Целый и на редкость однообразный внутри себя: *смесь раболепия с вечным беспокойством, что ближнему чуть лучше, чем тебе*. И ничего не сдвинулось за века в его мутных глубинах. Все та же *ленивая, непроставшаяся, равнодушная ко всему на свете, рабски покорная и при этом вздорная пьянь*» (Нагибин); «Вся Россия – страна каких-то *жадных и ленивых людей* <...> психология у них *собачья*: их бьют – они тихонечко повизгивают и прячутся по своим конурам, ласкают – они ложатся на спину, лапки кверху и виляют хвостиками» (Чехов); «*Народ*, государство которого обладает несметными природными богатствами и гигантскими завоеванными территориями, причисляющий себя к великим народам и претендующий на особую исключительную роль в историческом развитии человечества и всего мира, но вечно живущий в нищете, невежестве и несправии, от которого другие народы шарахаются в страхе, желая во что бы то ни стало жить отдельно, – *страшный народ*, ибо болеет *нравственной проказой, лениво-воровскими наклонностями, агрессивностью, диким самомнением и высокомерием тюремного надзирателя*» (Фаткудинов); «Удивителен *русский народ*, но удивителен только еще в возможности. В действительности он *низок, ужасен и скотен*. Что можно из него сделать?» (Погодин).

Аксиологическая асимметрия с явным уклоном в сторону минуса в оценке нравственных качеств русского народа русскими же интеллектуалами, как представляется, может получить, как минимум, два объяснения.

Русским, как никакому другому народу, при всей нетерпимости к сторонней критике свойственна самокритичность, о чем столь убедительно говорили и Александр Пушкин, и Семен Франк: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство» (Пушкин); «Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самолюбленностью» [16, с. 141]. Выявление негатива в характере русского

народа и его критика осуществляется из самых лучших побуждений и направлена на исправление его недостатков: «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества *моего народа*; но я не научился любить свою родину с закрытыми глазами» (Чаадаев).

В то же самое время в подобной позиции можно усмотреть и отстраненность: русские авторы афористических изречений о русском народе себя в этот народ явно не включают, а рассуждают о своем «собственно народе» – «мы» у них явно не инклюзивное, а, скорее, эксклюзивное, и стереотипы, которые раскрываются в этих изречениях, – это, скорее, экзостереотипы, связанные с оценкой «со стороны», а эндостереотипы нужно искать в другом месте: не в афористике, а в паремиологии и в современном устном народном творчестве – анекдотах.

Как свидетельствует русская история, примеры отделения властной элиты от подвластного народа вплоть до этничности уже имели место, когда российская элита представлялась народному мнению не просто как иное сословие, а как иной – чужой и враждебный народ (см.: [14, с. 128]). Тогда суть преобладания негатива в оценке русского национального характера может сводиться к жалобам на то, что «не тот народец попался-достался», не плохо бы его и поменять. Здесь можно вспомнить ироничный совет Бертольда Брехта: «Если *правительство* недовольно своим народом, оно должно распустить его и выбрать себе новый».

Таким образом, наблюдения над функционированием лингвоидеологемы «народ» в афористическом корпусе русского языка показывают, что из основных ее концептуальных разновидностей и словарных значений одноименной лексемы здесь вербализуются, главным образом, «народ-этнос/нация» и «собственно народ» как часть последнего, остающаяся после «вычета» из него всех элит.

В собранном корпусе афористических высказываний лексемы «народ» и «нация» практически взаимозаменяемы и функционируют как синонимы.

Признаком, содержащимся в ближайшем контексте и позволяющим сингуляризировать значение «народ-этнос/нация» у полисеманта «народ», выступает, прежде всего, форма множественного числа, выделению значения «народ-этнос/нация» содействует также присутствие кванторных определений, указательных и притяжательных местоимений.

Из числа факторов, обеспечивающих национально-этническое единство, в афористике чаще всего упоминается язык и лингвистические проявления вообще, отмечается культура, главным образом духовная, и подчеркивается ведущая роль субъективного фактора в форми-

ровании национального единства — сознания и воли, создающих национальную солидарность.

Диагностическим признаком сингуляризации значения «собственно народ» у лексемы «народ», является прежде всего, наличие или выводимость в афористическом высказывании любого противочлена «собственно народа» — власти, правительства, государства, правителей, политиков, всяческих избранников и избранных и прочих представителей элит.

Идеологическое позиционирование авторов афоризмов проявляется в виде своего рода «двойного аршина», когда одно и то же свойство народа получает прямо противоположную оценку: «собственно народу» приписываются мудрость и глупость, моральная целостность и моральная ущербность, свободолюбие и деспотичность и пр.

Обладая свойством аксиологической вариативности, лингвоидеологема «народ» в зависимости от идеологического позиционирования субъекта речи меняет имя, и просто «народ» — в современном языке носитель положительных коннотаций — превращается в «чернь», «плебс», «толпу», «стадо» и «быдло», приобретая тем самым коннотации сугубо отрицательные.

Народ-этнос/нация — абстракция, и в действительности существует лишь конкретное этническое или национальное сообщество, отличное от всех других конкретных этнических и национальных сообществ.

Любой народ — это коллективная личность, которая, как и любая личность, обладает собственным характером — национальным характером, черты которого описываются в афористике.

В оценке нравственных качеств русского народа русскими же интеллектуалами наблюдается явная аксиологическая асимметрия с уклоном в сторону минуса, которая может получить, как минимум, два объяснения: 1) русским, как никакому другому народу, при всей нетерпимости к сторонней критике свойственна самокритичность, а выявление негатива в своем характере и его критика осуществляется из самых лучших побуждений; 2) русские авторы афористических изречений о русском народе себя в этот народ явно не включают, «мы» — у них эксклюзивное, и стереотипы, которые раскрываются в этих изречениях, — это, скорее, стереотипы, связанные с оценкой «со стороны».

Литература:

1. *Абрамович М., Бартминьский Е.* Народ (на материале польской и французской лингвокультур) // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении: лексикон. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2011. — С. 222-234.

2. *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М.: АСТ, 1998. – 720 с.
3. *Воркачев С.Г.* Дискурсная вариативность лингвоконцепта (1): Любовь-милость // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2005. – Т. 64. – № 4. – С. 46-55.
4. *Воркачев С.Г.* Идея патриотизма в русской лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 200 с.
5. *Воркачев С.Г.* Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.
6. *Воркачев С.Г.* Идея справедливости в библейском тексте // Новое в славянской филологии. Вып. 4. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 3-20.
7. *Воркачев С.Г.* Инициатива и послушание: к аксиологической вариативности лингвоконцепта // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1(39). – С. 173-180.
8. *Воркачев С.Г.* Лингвоидеологема «народ» в русской лексикографии // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – С. 17-23.
9. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
10. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 447 с.
11. *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: Прогресс, 1989. – 714 с.
12. *Касьянова К. (В.Ф. Чеснокова).* О русском национальном характере. М.: Академический проект, 2003. – 560 с.
13. *Пьецух В.* Низкий жанр. – М.: ЗебраЕ, 2006. – 749 с.
14. *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. – М.: АИРО-XXI, 2005. – 320 с.
15. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
16. *Франк С.Л.* Письмо к Г.П. Федотову // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 141-143.
17. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999.